

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 6.

ЛЮБОВЬ АРТИСТА.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Соч. **ВОНЛЯРЛЯСКАГО.**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ, артистъ, 36 лѣтъ.

Г. Славинъ.

АННА СЕРГѢЕВНА, сестра его, 40 лѣтъ.

Г-жа Орлова.

КИТТИ, 18 лѣтъ.

Г-жа Самойлова.

ВАДИМЪ ВАДИМОВИЧЪ ПОЧКИНЪ, 27 лѣтъ.

Г. Мартыновъ.

АФАНАСІЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ВЕРТУННИЪ, 55 лѣтъ.

Г. Сосницкій.

ИЗОСНИЪ, 40 лѣтъ.

Г. Григорьевъ 2.

ДОМИНИЪ, 50 лѣтъ.

Г. Старцевъ.

ВРАЧЪ, 45 лѣтъ.

Г. Радинъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Неаполѣ

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Внутренность большой мастерской. На всѣхъ стѣнахъ висятъ картины. Нѣсколько статуй и бюстовъ разставлено въ безпорядкѣ. Между ними арфа. Въ задней стѣнѣ широкое окно, изъ него видно море и островъ Капри. Двѣ двери, одна направо, другая направо. На авансценѣ, противъ треножника, на которомъ поставленъ мѣломъ очерченный эскизъ ландшафта, сидитъ Александръ Сергѣевичъ съ палитрой и кистями въ рукахъ. Нѣсколько мѣтъ его работаетъ Анна Сергѣевна. При поднятіи занавѣса слышенъ голосъ Кетти и звуки фортепьяно. Пѣніе заключается нѣсколькими аккордами.

I.

АННА и АЛЕКСАНДРЪ.

АННА (*пристально смотря на брата*). Александръ, Александръ! Пора начать; еще недѣля, и июльское солнце прогонитъ насъ въ Тироля, а картину ждуть съ нетерпѣніемъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Виноватъ, забылъ и ее, и Тироля; но что же дѣлать, Анна? Норма разоритъ меня когда-нибудь; я помѣшаюсь на этомъ чудномъ Беллини, брошу кисти и сдѣлаюсь хористомъ, чтобы имѣть право сказать себѣ, что за неимѣніемъ голоса, способствовалъ хоть размахиваніемъ рукъ къ воспроизведенію его дивныхъ созданий. Сколько души, сколько чувствъ было въ этомъ гениальномъ человѣкѣ!

АННА. А богатый соотечественникъ нашъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Кто это? Почекинъ?

АННА. Да; картина заказана имъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Намалюю какъ-нибудь; стѣнитъ ли этотъ Почекинъ, чтобы я ломалъ для него голову!

АННА. И тебѣ не совѣстно, Александръ?

АЛЕКСАНДРЪ. Чего-жъ совѣститься? Развѣ я отказываюсь подарить его бирюзовымъ, такъ-называемымъ, птальянскимъ небомъ. Не знаю я развѣ господъ аматоровъ-путешественниковъ? Благодаря Бога, не

первый годъ живу артистомъ и не перваго туриста награждаю изверженіемъ огнедышащаго сосѣда, и такимъ, другъ мой, изверженіемъ какихъ уже конечно не доводилось видѣть не одному неаполитанцу! Сначала дико казалось мнѣ зажигать, изъ угожденія певѣждамъ, и небо, и море, и всю преисподнюю, а теперь постигъ я общій вкусъ и общее требованіе, и какъ видишь, не занимаю болѣе по пиастру; появились лишніе; и отчего? оттого—что сдѣлался умнѣе, опытиѣе. Вдохновеніе, призваніе, мысль! Ступайте прочь, друзья! Не мѣсто ваше въ мастерской моей!.. Улыбка ваша для пашей братьи смерть, и смерть голодная. Прощель твой вѣкъ, Рафаель, и твой, Корреджіо! Но—миръ вамъ, великіе! Мнѣ нужно не слава громкая, не безсмертіе и не лавровый вѣнецъ, а пальто и войлочная шляпа. (*Громко*). Доминикъ! Синьоръ Доминикъ. (*Входитъ Доминикъ*). Достань—ка, любезный, банку съ голубцомъ, да потри его и приготовь побольше, только побольше, слышишь? (*Доминикъ уходитъ*).

АННА. Александръ, я не люблю, когда ты говоришь про искусство свое такимъ тономъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Какимъ тономъ?

АННА. Тономъ пренебреженія; однимъ—словомъ, говоришь неискренно, или не то, что чувствуешь. Въ эту минуту ты подъ вліяніемъ письма Вертунина.

АЛЕКСАНДРЪ. Стоитъ оно того!

АННА. Опять неправда; погляди на себя, Александръ! При одномъ имени дальняго родственника лицо твое измѣняется, голосъ твой...

АЛЕКСАНДРЪ. Вертунинъ, ничтожное созданіе, котораго я всегда терпѣть не могъ. Не онъ ли былъ главною причиною разоренія и нашего, и бѣдной нашей Кетти? Не онъ ли вогналъ мать ея, а свою сестру, въ чахотку, и не подосѣйи мы въ Эмсъ, несчастная умерла бы въ бѣдной гостинницѣ, и оставила бы тамъ восьмилѣтнюю дочь малютку. Въ—продолженіе 10 лѣтъ вспомнилъ—ли онъ хоть разъ о сиротѣ? А теперь пишетъ, что, находясь за границею, желаетъ видѣть наконецъ родную племянницу и для этого почти приказываетъ мнѣ привезти ее къ нему въ Берлишъ. Разумѣется, отвѣтъ мой коротокъ, но и очень ясенъ.

АННА. Что же ты, написалъ ему?

АЛЕКСАНДРЪ. Я? Написалъ, что племянница его въ Неаполѣ, и почтетъ себя за долгъ называть его любезнымъ дядюшкой, то—есть, разумѣется, въ такомъ только случаѣ, если любезный дядюшка заблагодарсудитъ пожаловать самъ. И какъ я очень хорошо помню, что глаза его чуть не лопались отъ тошноты, когда онъ вѣхалъ въ открытомъ

аквапажѣ, ну а парохода ужъ конечно не вынесетъ онъ, отъ того я и убѣжденъ, что почтенный родственникъ ограничится однимъ намѣреніемъ пріѣхать, и избавитъ меня отъ искренняго неудовольствія видѣть его здѣсь?

АННА. Ты не совсѣмъ справедливъ къ нему, Александръ, Вертунинъ добръ, когда-то любилъ свою сестру, мать Кетти, и въ правѣли мы ее лишитъ послѣдняго расположенія богатаго дяди?

АЛЕКСАНДРЪ. А что ей въ его богатствѣ? Или ты забыла, что живъ еще послѣдній подарокъ Варвары Дементьевны, чувствительной супруги Афанасья Гавриловича.

АННА. Ты говоришь про его сына!

АЛЕКСАНДРЪ (*насмѣшливо*). Ну, да, про того милого малютку, котораго парили въ горшкѣ и обкладывали какой-то травой.

АННА. Грѣшно тебѣ смѣяться.

АЛЕКСАНДРЪ. Виновата, Анна; но не избѣгалъ-ли я всѣхъ случаевъ говорить о родствѣ моемъ? Ты напомнила сама, сама и виновата. Потомъ, за все зло, можетъ-быть и неумышленное, за весь вредъ, слѣланый ими и мнѣ, и тебѣ, и Кетти, позволь хотя разъ въ годъ назвать Вертунина животнымъ, а Варвару Дементьевну...

АННА (*съ упрекомъ*). Александръ! Кетти за стѣною, она можетъ услышать.

АЛЕКСАНДРЪ. Правда, правда! опять виновата! Ну, да Богъ съ ними! Зла долго не помню, а Кетти люблю больше всего на свѣтѣ. Однако портретъ ея не конченъ, а на дворѣ становится душно; не мѣшало-бы ей посидѣть.

АННА. Еще портретъ! Помилуй, Александръ, да сколько же ихъ будетъ у тебя?

АЛЕКСАНДРЪ. Постой... девятнадцать, кажется; по два въ каждый годъ, а ихъ прошло довольно съ-тѣхъ-поръ; какъ мы приняли Кетти въ нашу семью. Послѣдніе два портрета не удались, я недоволенъ ими.

АННА. Много время убиваешь на пустыл занятія.

АЛЕКСАНДРЪ. Пустыя занятія! прошу покорно! Вотъ истинно женскія сужденія! Писать съ образца, подобнаго Кетти нашей! Да знаешь-ли, какой фуроръ произвела во Флоренціи та картина, въ которой...

АННА. Въ которой всѣ женскія лица походили на одну Кетти?

АЛЕКСАНДРЪ. Не всѣ, а главныя...

АННА. Я помню успѣхъ, но существенной выгоды не помню; къ-тому же ты отказался продать картину за двѣ тысячи шастровъ.

АЛЕКСАНДРЪ. За нее знатоки дадутъ больше.

АННА. Не продашь и тогда.

АЛЕКСАНДРЪ. Оставимъ въ покоѣ картину, и поговоримъ лучше о нашей отъѣздѣ. Дней черезъ десять мы отпавимся прямо въ Ниццу, тамъ посоветуемся съ врачами, и если нужно, махнемъ на воды.

АННА. Это для чего? Кажется, благодаря Бога, твое здоровье...

АЛЕКСАНДРЪ. Не о моемъ здоровьи рѣчь; по мнѣ кажется, Анна, что ты похудѣла нѣсколько; право въ тебѣ есть перемѣна...

АННА (весело). Богъ съ тобою, я и не думала хворать; здорова, какъ нельзя больше.

АЛЕКСАНДРЪ. Ну, и Кетти не мѣшаетъ полечиться.

АННА (смѣясь). Съ нея бы началъ; зачѣмъ вступленія.

АЛЕКСАНДРЪ (съ безпокойствомъ). А ты также находишь?

АННА. Что Кетти здорова? нахожу.

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, безъ шутокъ, не кажется-ли тебѣ, сестра, что она стала блѣднѣе и съ-нѣкоторыхъ-поръ задумчива?

АННА. То-есть, не прыгаетъ въ восемнадцать лѣтъ, какъ прыгала въ двѣнадцать. Замѣчаю, Александръ, замѣчаю и въ тебѣ нѣкоторую перемѣну, съ-тѣхъ-поръ, какъ дѣвочка выросла, а глазки ея сдѣлались выразительными.

АЛЕКСАНДРЪ. Опять шутки, сестра; хорошо разъ посмѣяться надъ пристрастіемъ моимъ, какъ ты говоришь, къ Кетти нашей, но повторять...

АННА. Не сердись, ради-Бога; слова мои не насмѣшка; тебѣ тридцать-шесть лѣтъ, а хорошенькое личико...

АЛЕКСАНДРЪ. Я дочь мою не любилъ-бы другимъ чувствомъ...

АННА. Вѣрю!

АЛЕКСАНДРЪ. Она дитя...

АННА. То-есть, въ восемнадцать лѣтъ.

АЛЕКСАНДРЪ. И въ двадцать-восемь будетъ мнѣ столько же дорога.

АННА. Вѣрю и этому.

АЛЕКСАНДРЪ (съ чувствомъ). Не она-ли ручонками своими зажимала мнѣ ротъ, когда, бывало, ропталъ я на судьбу; не она-ли утѣшала дѣтскими ласками мои горькія минуты; не просиживала-ли она у моего изголовья, во-время болѣзни моей. Сколько разъ, борясь съ нищетою, готовъ я былъ забросить кисти—и... Богъ одинъ знаетъ, отъ какой бездны отвела меня привязанность къ Кетти, и мнѣ не любить ее...

АННА. Любить ее, братъ, можно, должно, но немного меньше; или, виновата, не такъ выразилась: любить иначе, хотѣла я сказать.

АЛЕКСАНДРЪ. Объясни твою мысль.

АННА. Изволь, и объясню ее коротко; ты ревнуешь Кетти ко всемъ, мнѣ кажется, къ самому Доминику.

АЛЕКСАНДРЪ. Какой вздоръ!

АННА. Не дальше, какъ вчера, досталось бѣдному Почекину за то, что онъ осмѣлился предложить Кетти свой щегольской кабриолетъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Предложеніе неприличное, — вотъ и все!

АННА. Но зачѣмъ же сердиться и пылить, когда просто можно было учтиво поблагодарить его и не принять.

АЛЕКСАНДРЪ. Снъ приторенъ, твой Почекинъ, и съ-нѣкоторыхъ-поръ страхъ мнѣ надоѣдаетъ: онъ заражаетъ мастерскую мою какимъ-то невыносимымъ букетомъ, а я духовъ терпѣть не могу.

АННА. И на эту ненависть есть причина: Кетти похвалила букетъ!

АЛЕКСАНДРЪ (*съ нетерпѣливомъ*). Ты становишься брюзглива и не-сносна, сестра; право мнѣ скоро придется бѣжать отъ тебя, какъ нѣ-когда бѣгалъ я отъ Дементьевны....

АННА (*смѣясь*). А Кетти возьмешь съ собою?

АЛЕКСАНДРЪ (*весело*). Еще-бы! Чего-добраго съ тобой испортишь ее!.. Дурной примѣръ пагубенъ. Но вотъ и она. Сдѣлай дружбу, не смѣй-ся надо мною въ ея присутствіи; повѣрь, мнѣ дѣлается какъ-то неаовко...

АННА. Успокойся, ни слова не скажу.

II.

ТЪ ЖЕ И КЕТТИ, въ утреннемъ нарядѣ.

АЛЕКСАНДРЪ (*протягиваетъ ей обѣ руки*). Наконецъ, сударыня; вотъ уже два часа, какъ ожидаютъ васъ и кисти, и краски, и мы, и портретъ.

КЕТТИ. Простите, мой другъ, я забыла васъ для васъ же.

АЛЕКСАНДРЪ. Замысловатое извпненіе.

КЕТТИ. Я разучивала Норму, а вы ее любите.

АЛЕКСАНДРЪ. Мы слушали съ наслажденіемъ, но не видя тебя, я сердился.

КЕТТИ. Какъ я люблю это сердце!

АЛЕКСАНДРЪ. Мысль мила и любезна, но выражена не по-русски. (*Къ Аннѣ*). Замѣчаешь-ли ты, Анна, что благодаря нѣмкѣ, служившей у насъ нѣсколько лѣтъ сряду, въ выговорѣ Кетти осталось что-то очень напоминающее эту почтенную націю. Пора-бы забыть и няньку, и...

КЕТТИ. Вы, мой другъ, начинаете ворчать, а я этого не люблю...

АЛЕКСАНДРЪ. Не буду, не буду, и принимаюсь за портретъ, если только вамъ угодно.

КЕТТИ. Съестъ—очень угодно.

АЛЕКСАНДРЪ. И пѣть, какъ всегда...

КЕТТИ. Изъ Нормы?

АЛЕКСАНДРЪ. Непремѣнно.

КЕТТИ. Въ награду, мы сегодня же идемъ пѣшкомъ въ Пуццоло, а оттуда...

АЛЕКСАНДРЪ. Недовольно-ли будетъ и одной прогулки?

КЕТТИ. Нѣтъ, мой другъ; кроликъ мой скучаегъ, а въ Пуццоло, у бѣдной нашей Маргариты, ихъ три; пока вы срисуете стараго Джіованни, мы побѣгаемъ по Колизею...

АЛЕКСАНДРЪ. Съ кроликами?

КЕТТИ. И съ тантою Анною.

АННА. Нѣтъ, мой другъ, ужъ танту Анну ты пощади отъ этого упражненія; для нея довольно будетъ одного Пуццоло. Кролпковъ ласкаю, но бѣгать съ ними по развалинамъ, торжественно отказываюсь...

КЕТТИ. Ну, вы сядете въ кабриолетъ.

АННА. Въ какой это?

КЕТТИ. Въ кабриолетъ гостя нашего.

АННА. Почекипа? А ты и его взять вмѣстѣ намѣрена съ кролпками?

КЕТТИ. Его — нѣтъ, а кабриолетъ — да!

АЛЕКСАНДРЪ. Ни его самого и ничего, что принадлежитъ ему, мы не возьмемъ съ собою, Кетти; гость нашъ, какъ ты его называешь, вѣроятно предпочтетъ другія окрестности и отправится гулять безъ насъ.

КЕТТИ (*наивно*). Напротивъ, мой другъ, онъ вчера еще выпросилъ у меня позволеніе идти съ нами, и я ему позволила съ тѣмъ, чтобы Почекинъ взялъ съ собою побольше винограду;—я страхъ люблю виноградъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Ты напрасно даешь ему подобныя порученія, Кетти; съ совершенно постороннимъ человѣкомъ дѣвушка должна быть немного...

КЕТТИ. Кто посторонній? Кто это, Почекинъ, вотъ забавно, вотъ смѣшно! (*Хочочетъ*).

АЛЕКСАНДРЪ (*строго*). Я ничего не нахожу смѣшнаго въ моемъ замѣчаніи.

КЕТТИ. Ахъ, какъ вы сердито смотрите на меня, мой другъ.

АННА. Александръ правъ; обхожденіе твое, Кетти, съ Почекинымъ не совѣмъ прилично; а принимать подарки можно только отъ самыхъ близкихъ родныхъ или друзей...

КЕТТИ. Не онъ—ли каждый день говоритъ мнѣ, что чувствую его нѣтъ границъ, и что никого еще онъ не любилъ такъ сильно, какъ меня.

АЛЕКСАНДРЪ (*горливо*). Кетти! Это говорилъ тебѣ Почекинъ?

КЕТТИ. Да, говорилъ.

АЛЕКСАНДРЪ. И ты его слушала?

КЕТТИ. Слушала.

АЛЕКСАНДРЪ. Но... по подобная дерзость съ его стороны заслуживаетъ...

КЕТТИ (*топая ногою*). Ахъ, мой другъ, какой вы право непонятливый? Кто же вамъ говоритъ, что Почекинъ дерзокъ? Напротивъ, онъ такъ нѣженъ, такъ любезенъ и добръ, притомъ такъ остороженъ, что прелесть! Напримѣръ, третьяго-дня, я сижу у окна, вы вышли изъ дому, а танта Анна занялась чѣмъ-то въ своей комнатѣ. Вдругъ подходитъ къ окну моему Почекинъ съ огромною корзиною, полною чудесныхъ фруктовъ. Кому это? спросила я, будто не догадываясь. Вамъ, моя прелесть, Кетти!

АЛЕКСАНДРЪ. Какъ, Кетти? онъ осмѣлился назвать тебя просто Кетти?

КЕТТИ. Да, по Почекинъ тотчасъ же спохватился и ахнулъ! Потомъ долго извинялся, и послѣ уже выпросилъ позволенія называть меня просто Кетти, только наединѣ, потому-что онъ находить это неприличнымъ при другихъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ сердцемъ*). И ты тотчасъ же не приказала Домнику выгнать его вонъ изъ дому!

КЕТТИ. Выгнать? За что же? Не позволяй я ему этого сама, и не цалуи онъ мнѣ ручки такъ почтительно, я, разумѣется, рассердилась бы. Но, мой другъ, за такой ананасъ, право, стоить позволить, кому хотите, поцаловать руку. Другой примѣръ: на прошлой недѣлѣ, помните поѣздку нашу на ослахъ, вы помните?

АЛЕКСАНДРЪ. И она рассказываетъ все это такъ равнодушно.

КЕТТИ (*не слушал*). Вы разговорились съ тѣмъ итальянскимъ скульпторомъ, что прошлую зиму прислалъ мнѣ амурчика изъ Рима, и мы съ Почекинимъ вѣхали въ гротъ. Онъ взглянулъ на мою ногу и вскричалъ отъ удивленія: «какая маленькая, какая хорошенькая ножка у васъ, Кетти! Неужели Александръ Сергѣичъ до-сихъ-поръ не приказалъ вылить ее изъ золота?»—Зачѣмъ же изъ золота? это дорого, отвѣчала я, а изъ алебастру мой другъ сдѣлалъ ее самъ.—«И онъ не разцаловалъ ножку вашу?» спросилъ Почекинъ. Алебастровую нѣтъ, а мою, то-есть живую, да, отвѣчала я, потому-что помните, мой другъ, вы нѣсколько разъ...

АЛЕКСАНДРЪ (*съ смущеніемъ*). Но зачѣмъ всѣ эти подробности, Кетти?

КЕТТИ. Постойте, постойте; этимъ еще не кончилось. Почекинъ назвалъ васъ счастливецемъ, сказалъ, что отдалъ бы все за то, чтобы поцаловать хоть башмачокъ!

АЛЕКСАНДРЪ. Ну, а ты, Кетти, ударила его хлыстомъ, плк...

КЕТТИ. Нѣтъ; я вспомнила, что танта Анна только-что наняла мнѣ подарилъ мнѣ новинькіе и прехорошенькіе ботики, и протянула пожку, и Почекинъ такъ крѣпко схватилъ ее, что я чуть не вкрикнула! Но тутъ случилось самое смѣшное...

АЛЕКСАНДРЪ (*блѣднѣя*). Случилось, говоришь ты? что такое случилось?

КЕТТИ. А вотъ что! Схвативъ обѣими руками ногу мою, онъ, разумеется, должешъ былъ нагнуться, чтобы поцаловать ее, и чуть-чуть не упалъ, но такъ смѣшно, такъ забавно.

АННА (*тихо брату*). Опомнись, приди въ себя, на тебя смотрѣтъ страшно.

АЛЕКСАНДРЪ. Я... я однакоже постараюсь найти средство предупредить на будущее время всякое паденіе съ ословъ, и Почекинъ, надѣюсь, возьметъ на себя трудъ обращать страстные поцалуи свои къ другимъ, а не къ кому-нибудь изъ моего семейства...

КЕТТИ. Но вы знаете-ли, мой другъ, что гость нашъ очень друженъ съ моимъ какимъ-то дядею, съ близкимъ и очень богатымъ роднымъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Слышу въ первый разъ.

КЕТТИ. Какъ-же, какъ-же! Коротко знакомъ, и этотъ дядя писалъ къ нему, что скоро пріѣдетъ сюда, и очень хочетъ меня видѣть.

АЛЕКСАНДРЪ (*насмѣшливо*). Странно! Г. Почекинъ говоритъ все это тебѣ, а не намъ.

КЕТТИ. А это вотъ видите-ли почему; васъ, мой другъ, боится нашъ гость, и такъ боится, что я должна была дать ему слово никогда ничего не говорить вамъ ни о поцалуяхъ, ни о прочемъ.

АЛЕКСАНДРЪ. О поцалуяхъ?.. Стало-быть, не одинъ поцалуи?..

КЕТТИ. Какой одинъ, мой другъ; онъ безпрестанно цалуетъ мои руки; и вотъ какъ у насъ положено: за ананасъ три раза, за виноградъ, два раза, за конфекты... я конфектъ не люблю.

АЛЕКСАНДРЪ (*стараясь скрыть свое бѣшенство*). Кетти! ты такъ мила сегодня, что, вѣрно, не откажешься и расскажешь подробно всѣ прочіе случаи, и конечно не скроешь ничего, понимаешь-ли, ровно ничего.

КЕТТИ (*подумавъ*). Только разъ, или, постоите, только два раза! И именно: однажды онъ поцаловалъ меня вотъ сюда. (*Показываетъ на затылокъ*). А на другой день, въ самую щеку, и я ужасно разсердилась; но оказалось, что онъ сдѣлалъ это нечаянно.

АЛЕКСАНДРЪ. Кетти! мои ласки основаны на десятилѣтней привязанности къ тебѣ, которую нѣкогда носилъ я на рукахъ своихъ, которую нянчилъ, какъ дочь, и берегъ, какъ единственное сокровище, какъ честь свою. Эти же ласки отъ другаго, отъ посторонняго оскорбляютъ дѣвушекъ, и налагаютъ на нихъ клеймо безславія. Съ Почетнымъ разочтусь я, а ты, Кетти, постарайся впередъ быть поосторожнѣе и благоразумнѣе съ подобными ему.

КЕТТИ (*съ отчаяніемъ*). Богъ мой, что же я такое сдѣлала?

АЛЕКСАНДРЪ. Не ты, а онъ, онъ!

АННА. Я не допущу тебя, Александръ, до объясненія...

АЛЕКСАНДРЪ. Сестра, обязанности наши различны: мой долгъ защищать ту, которую ввѣрилъ намъ самъ Богъ; твою же обязанностію, Анна, было предостеречь ее, и предупредить этимъ всякія объясненія. Теперь поздно, и мнѣ пора приниматься за работу...

КЕТТИ. За портретъ, мой другъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, мнѣ не до него теперь, впрочемъ пожалуй! (*Ставитъ начатой портретъ на мѣсто ландшафта*).

КЕТТИ (*садясь противъ него*). Хорошо-ли я сижу?

АЛЕКСАНДРЪ. Поверни голову въ мою сторону! вотъ такъ, теперь хорошо! (*Рисуетъ*). Онъ гнусный человѣкъ, — онъ извергъ... змѣя, которую я долженъ былъ бы раздавить у порога!—Смѣтъ прикасаться до мизинца, до щеки, это... это невозможно.

КЕТТИ (*рѣшительно*). Я больше никогда ему не позволю цаловаться.

АЛЕКСАНДРЪ. Кетти! довольно на первый разъ! И воспоминанія о предательствахъ почтеннаго гостя куда-какъ надоѣли мнѣ.

КЕТТИ. А Норма?

АЛЕКСАНДРЪ. Это дѣло другое.

КЕТТИ. Что-же, пропѣтъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Пожалуйста...

КЕТТИ. А что именно?

АЛЕКСАНДРЪ. Что хочешь...

КЕТТИ. Casta diva?

АЛЕКСАНДРЪ. Прекрасно.

КЕТТИ. Но, мой другъ, послѣ Гризи, Крувелли и любимицы твоей Фредцоллини, не будетъ-ли смѣшно слушать меня?

АЛЕКСАНДРЪ. Сравнивать тебя съ ними никто не станетъ, и не твое назначеніе быть примадонною. Потомъ, повѣрь мнѣ, Кетти, истинные почитатели Беллини, меломаны не по одному названію, конечно не унижать себя до критики, а изъ уваженія къ памяти великаго композитора простятъ, и пожалуй, поплодируютъ тебѣ,—стало быть, пой, а мы послушаемъ.

КЕТТИ. Я не боюсь, право не боюсь, мой другъ, а въ доказательство... (*поетъ Casta diva, и по окончаніи обращается къ Александру*). Ну, что, хорошо?

АЛЕКСАНДРЪ. Хвалить не стану, боюсь показаться пристрастнымъ; голосъ твой Кетти очень малъ, но вѣренъ; я доволенъ имъ!

ДОМИНИКЪ (*входитъ*). Спльоръ Почекинъ?

АЛЕКСАНДРЪ (*вскакивая*). Почекинъ?

АННА. Ради-Бога, умѣрь себя, Александръ, и вспомни, что всякое объясненіе неизбѣжно повлечетъ за собою несчастіе всѣхъ насъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, онъ долженъ быть наказанъ; и если въ чловѣкѣ этомъ есть хоть искра чести, онъ не откажется...

АННА. Съ тобою драться, братъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, но позволить себя убить.

АННА. Ты не захочешь быть убійцею, и не захочешь убить Кетти! Вспомни о ней Александръ!

АЛЕКСАНДРЪ. Да, ты права! Ей я еще нуженъ! (*Доминику*). Проси! (*Доминикъ уходитъ*).

III.

ТЪ ЖЕ и ПОЧЕКИНЪ, одѣтый по последней модѣ.

ПОЧЕКИНЪ. Любезный Сальваторъ, нашъ почтенный другъ... но вы разстроены чѣмъ-то; вы блѣдны, здоровы-ли?

АЛЕКСАНДРЪ (*сухо*). Здоровъ, а блѣденъ такъ, безъ причины.

ПОЧЕКИНЪ (*обращаясь къ Аннѣ и Кетти*). То-то, то-то, а вѣдь я страхъ перепугался; а вы, mesdames, какъ окончили вчерашній вечеръ? Mademoiselle Кетти?

АЛЕКСАНДРЪ. Кетати, давно хотѣлъ я познакомить васъ съ именемъ ея отца, его звали Дмитріемъ. Имя Кетти даемъ мы ей поправу род-

ства; это имя, или лучше сказать, это право принадлежить исключительно намъ однимъ!

ПОЧЕКИНЪ. Виновать и прेमного виновать, Александръ Сергѣевичъ; простите мою разсѣянность...

АЛЕКСАНДРЪ (*насмѣшливо*). Объ этомъ, впрочемъ неважномъ недостаткѣ вашемъ, мы только-что говорили сію минуту и Кетти разсказывала намъ, какъ разъ вы приняли ее за кого-то.

КЕТТИ. За ту хорошенькую дѣвушку, которую вы видѣли въ Венеціи.

ПОЧЕКИНЪ (*въ смущеніи*). Да, да, да, да! Скажите, какая память! Дѣйствительно, вспоминаю теперь...

КЕТТИ. Вы еще поцѣловали меня въ щеку.

АЛЕКСАНДРЪ. Зачѣмъ же напоминать подобную вещь другу нашему, Кетти? Я убѣжденъ, что онъ дорого бы далъ за то, чтобы впередъ не случилась съ нимъ подобная разсѣянность.

ПОЧЕКИНЪ (*совершенно теряясь*). Вѣдь вотъ, вѣдь вотъ... скажите, пожалуйста, въ-самомъ-дѣлѣ, какой странный случай... и, и, и, вѣрите-ли, вотъ этакой, напимѣръ, порокъ пренесчастный,—ужасный порокъ...

КЕТТИ. Я все разсказала... прощай ананасы. (*Вздыхаетъ*).

АЛЕКСАНДРЪ. Дитя! ананасы продаются за деньги, или предлагаются истинными, неподдѣльными друзьями, а въ тѣхъ и другихъ у тебя, Кетти, недостатка нѣтъ, кажется.

ПОЧЕКИНЪ. И я, и я другъ вашъ, искренній, неподдѣльный другъ, Катерина Дмитриевна, не правда-ли?

КЕТТИ. Нѣтъ! вы хоть и говорите, что другъ, а до-сихъ-поръ еще ни разу...

АЛЕКСАНДРЪ. Довольно объ этомъ, Кетти. Сеансъ твой конченъ, и ты можешь уйти къ себѣ. Скоро три часа, часъ обѣда, а тамъ и въ путь съ кроликомъ.

ПОЧЕКИНЪ. Вы собираетесь за городъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Да, въ Пуццоло, и пѣшкомъ.

ПОЧЕКИНЪ. Позвольте предложить вамъ мою коляску!

КЕТТИ (*Александрю*). Нѣтъ, мой другъ, не нужно, я хочу идти, а не ѣхать. (*Къ Почекину*). Мы пойдемъ безъ васъ! (*Низко присѣдаетъ*).

ПОЧЕКИНЪ. За что же такая немилость, m-lle Кетти?

КЕТТИ (*выразительно*). Катерина Дмитриевна.

ПОЧЕКИНЪ. Ахъ, Богъ мой, простите я хотѣлъ сказать, за что же, и что подало поводъ, Катерина Дмитриевна?

КЕТТИ. Вотъ что! (Показывая на щеку, руку, ногу и затылокъ). Вотъ за что. Теперь догадалсь?

АННА. Кетти, я тебя дожидаюсь.

КЕТТИ. Сейчасъ, ma tante.

АЛЕКСАНДРЪ (указывая на дверь). Кетти, Кетти!

КЕТТИ. Прощайте. (Отходитъ къ дверямъ, и останавливаясь, грозитъ Почекину пальчикомъ, — Почекинъ, кашляя, низко кланяется).

IV.

АЛЕКСАНДРЪ (смотря съ улыбкою на Почекина). А знаете-ли, Вадимъ Вадимовичъ, что мнѣ пришла счастливая мысль для картины вашей.

ПОЧЕКИНЪ. Можетъ-ли быть, любезный Александръ Сергѣевичъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Право; я желалъ бы знать, придетъ-ли вамъ мысль моя по сердцу... Вотъ видите-ли: занимаясь постоянно живописью, стыжусь, что не изобрѣлъ еще ровно ничего новаго.

ПОЧЕКИНЪ. Какъ новаго? въ чемъ не изобрѣли?

АЛЕКСАНДРЪ. Я говорю про genre; и дивлюсь, какъ мнѣ еще ни разу не пришло въ голову перемѣнить методу, и вмѣсто однообразныхъ цвѣтныхъ пейзажей надѣлать практику мою ландшафтами болѣе оживленными. Напримѣръ, сколько людей предпочли бы говорящія картины одной мертвой природѣ.

ПОЧЕКИНЪ. А что же вы называете говорящими картинами?

АЛЕКСАНДРЪ. Такъ называю я школу Тенъера. Въ его тавернахъ всѣ дѣйствующія лица только-что не движутся; смотря на нихъ, вамъ будто слышатся голоса; по картинамъ его вы изучаете нравы народа, обычаи, весь бытъ его.

ПОЧЕКИНЪ (улыбаясь). Стало, очень скоро поклонникамъ таланта вашего, Александръ Сергѣевичъ, придется изучать итальянское нарѣчье, чтобы подслушивать любовныя пѣсни лазарони и ихъ страстныя объясненія?

АЛЕКСАНДРЪ. О, нѣтъ! Зачѣмъ затруднять любезныхъ соотечественниковъ; языки даются не всѣмъ; героями ландшафтовъ моихъ я сдѣлаю нѣкоторыхъ путешественниковъ. Сколько интересныхъ эпизодовъ,

сколько портретовъ могъ бы я помѣстить и представить въ самомъ смѣшномъ, въ самомъ забавномъ положеніи.

ПОЧЕКИНЪ. Безнадобная мысль!

АЛЕКСАНДРЪ. Не далеко искать; одинъ гротъ Паузилино, вы знаете его?

ПОЧЕКИНЪ. Еще бы не знать гробницы Виргилія.

АЛЕКСАНДРЪ. Ну, вотъ, и для вашей картины избираю я его! На первомъ планѣ, то-есть у въѣзда въ гротъ, со стороны Виргилія, представлю двухъ всадниковъ, смѣющихся до слезъ! въ одномъ изъ нихъ легко будетъ узнать русскаго артиста, а въ другомъ пожалуй хоть итальянца! Разумѣется, смѣхъ, этотъ долженъ будетъ имѣть какую-нибудь причину.

ПОЧЕКИНЪ (*смѣясь отъ души*). Разумѣется, разумѣется.

АЛЕКСАНДРЪ. Неправда-ли?

ПОЧЕКИНЪ. И причина эта, воображаю...

АЛЕКСАНДРЪ. Преуморительная!

ПОЧЕКИНЪ. Ну, ну, мой геній!

АЛЕКСАНДРЪ. Помучить васъ?

ПОЧЕКИНЪ. Нѣтъ, пожалуйста нѣтъ; мнѣ уже, кажется, что я вижу всадниковъ, и горю нетерпѣніемъ...

АЛЕКСАНДРЪ. Посмѣяться вмѣстѣ съ ними надъ дуракомъ, который ѣдетъ вперед, силится достать губами ножку прехорошенькой дѣвушки, сидящей на ослѣ, и падаетъ на землю; шляпа его слетѣла, фалды моднаго фрака приходятъ въ страшный беспорядокъ, обѣими руками схватывается онъ, только-что не за уши своего осла. (*Хочочетъ*).

ПОЧЕКИНЪ (*измѣняясь въ лицѣ*). Да, да, очень забавный сюжетъ! (*Всторону*) Эге! любезный! Такъ вотъ отъ чего ты принялъ меня сегодня съ такимъ радушіемъ и корчишь мнѣ всѣ эти рожи... Хорошо же, хорошо. (*Гроико*) Экая у васъ изобрѣтательность, какой талантъ Александръ Сергѣичъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Воображаю, съ какимъ восторгомъ примутъ новую картину мою, или правильнѣе сказать вашу, Вадимъ Вадимычъ! Для большого эффекта, я въ прекрасной дѣвушкѣ изображу Кетти; ее же кстати всѣ знаютъ.

ПОЧЕКИНЪ. Гм! гм! Еще разъ чудно, дивно, мой великій художникъ; а какъ одна счастливая мысль всегда влечетъ за собою другую, то я попрошу васъ, почтеннѣйшій Александръ Сергѣичъ, поторопиться говорящимъ ландшафтомъ вашимъ, и окончить его въ концѣ этой недѣли. Мнѣ пришло страшное желаніе поднести первый образчикъ новаго генге вашего одному изъ лучшихъ друзей моихъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*иронически*). Сію минуту принимаюсь зарабатывать, но недостаетъ главнаго лица.

ПОЧЕКИНЪ. То-есть недостаетъ образца для падающаго дурака?

АЛЕКСАНДРЪ (*хохочетъ*). Именно.

ПОЧЕКИНЪ. Представьте меня.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ удивленіемъ*). Что?

ПОЧЕКИНЪ. Меня, Александръ Сергѣичъ; мнѣ этого смерти хочется.

АЛЕКСАНДРЪ (*всторону*). Чтобы это значило? (*Громко*) Вы хотите?

ПОЧЕКИНЪ. Ну, да, да, хочу, и прошу, и требую! Почему же нѣтъ! А сказать вамъ причину такого страннаго желанія?

АЛЕКСАНДРЪ. Признаюсь, очень любопытно.

ПОЧЕКИНЪ. Извольте; съ искренними друзьями откровенность лучшее доказательство преданности; и вамъ скажу я откровенно, что картина ваша напомнила мнѣ случай, въ которомъ я игралъ самую смѣшную, самую забавную роль! Въ одно изъ моихъ путешествій,—умолчу гдѣ это было, случилось мнѣ, посѣщая подобныхъ вамъ великихъ художниковъ, встрѣтиться и влюбиться по уши въ прелестнѣйшее созданіе, подобное вашей Кетти. Ахъ извините! хотѣлъ сказать Катеринѣ Дмитриевнѣ. Дѣвушка эта была ребенкомъ принята въ домъ артиста, воспитана имъ, и до восемнадцатилѣтняго возраста находилась въ совершенной отъ него зависимости. Увлеченный слѣпою страстію къ ней, я въ первое время знакомства позволялъ себѣ тысячу маленькихъ вольностей, неважныхъ разумѣется, какъ на примѣръ: возить ей фрукты, сладости, и вымѣнивать все это на невинныя права касаться ручки красавицы. Вѣроятно, маленькое волокитство это тѣмъ бы и кончилось, какъ вдругъ узнаю я случайно, что у дѣвушки пребогатый дядя, что дядя этотъ, потерявъ жену и послѣдняго сына назначаетъ ее своею единственною наследницею и ѣдетъ за нею. Представьте себѣ, мой другъ, мое счастье, мой восторгъ; не медля ни секунды, я пишу къ нему предлинное посланіе, сознаюсь въ любви къ племянницѣ, и основываясь на прежнихъ короткихъ моихъ съ нимъ сношеніяхъ, прошу согласія на бракъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*випъ себя*). И онъ счелъ себя въ правѣ отдать вамъ руку дѣвушки, не спросясь у нея, и не спросивъ даже согласія у перваго ея покровителя.

ПОЧЕКИНЪ. О, нѣтъ, какая мысль! Напротивъ, онъ ничего этого не сдѣлалъ, и отвѣчалъ мнѣ только, что зная благородство покровителя, ручается за него, и убѣжденъ, что покровитель этотъ не захочетъ изъ эгоизма лишить питомицу свою всего будущаго благополучія. Но мы отвлеклись

отъ нашей картины, которая, какъ я уже вамъ сознался, напоминаетъ мнѣ точно такой же энизодъ... однажды, прогуливаясь...

АЛЕКСАНДРЪ. Довольно, я раздумалъ, и смѣшить никого не намѣренъ, никого; къ тому же поздно, и намъ пора обѣдать.

ПОЧЕКИНЪ (*смотря на часы*). Да, скоро четыре! Прощайте, до свиданія! Болѣе беспокоить васъ не хочу; къ тому же въ этотъ часъ приходятъ римскіе дилижансы, бѣгу въ контору. (*Всторону*) Ну что, мой Сальваторъ, въ долгу-то остались вы; что-то еще будетъ съ пріѣздомъ дялюшки! (*Громя*) И такъ еще разъ прощайте, милый другъ Александръ Сергѣичъ; очень сожалѣю, что лишенъ чести быть во-время сегодняшней прогулки кавалеромъ Mademoiselle Ke... ахъ, опять, чуть-чуть не забылъ, Катерины Дмитриевны! (*Смѣясь уходитъ*).

V.

АЛЕКСАНДРЪ, одинъ

Какъ! смѣть просить руки Кетти у другаго, а не у меня. Надѣяться оторвать Кетти мою отъ моего сердца и лишитъ меня всѣхъ правъ, и изъ того только, что у Вертунина умеръ сынъ, и что Вертунину некуда дѣть своего богатства! Боже! ужасны Твои испытанія, они выше силъ моихъ. (*Бросаясь въ кресло*) Нѣтъ, не бываетъ этому! и моего сокровища не отниметъ у меня первый встрѣчный. Черезъ часъ отплываетъ пароходъ въ Палермо! завтра сардинскій люгеръ подниметъ паруса, и черезъ недѣлю мальтійскій флагъ разовьется между нами и Европою. (*Звопитъ*) Доминикъ! Доминикъ! (*Слуша вбѣгаетъ*) Уложи все безъ остановки, и тотчасъ же позови ко мнѣ сестру; скажи ей, что мы ѣдемъ сію минуту, слышишь, сію минуту...

АННА (*вбѣгаетъ*). Братъ, ты знаешь новость?

АЛЕКСАНДРЪ. Новость? Какую новость?

АННА. Неожиданныя вѣсти, вотъ письмо, прочти.

АЛЕКСАНДРЪ. Письмо, откуда отъ кого?

АННА. Изъ гостинницы Витторія, отъ Вертунина.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ ужасомъ*). Вертунинъ, Вертунинъ здѣсь?

АННА. Онъ только-что пріѣхалъ, и вообрази пріѣхалъ для Кетти, единственной своей наследницы.

АЛЕКСАНДРЪ. Все кончено!

АННА. Вертуниъ потерялъ жену и ребенка... и наша Кетти!..

АЛЕКСАНДРЪ (*хватаетъ ее за руку*). Радуйся, всемъ будетъ весело, все будутъ счастливы, и погибну я одинъ. (*Падаеть въ кресло*).

АКТЪ ВТОРОЙ.

Садъ на берегу моря. Изъ каменной скальи сидитъ Вертуниъ; онъ держитъ за обѣ руки Кетти. Несколько поодаль рисуетъ Александръ Сергѣичъ. Позади его стоитъ Изосимъ и смотритъ на рисунокъ черезъ плечо артиста. Вечеръ.

ВЕРТУНИНЪ (*Кетти*). Ну, мой живчикъ, такъ Италию называешь ты своею Италиєю, и не согласна промѣнять ее ни на какую другую сторону?

КЕТТИ. Россіи не знаю, а Германію терять не могу.

ВЕРТУНИНЪ. Совершенно съ тобою согласенъ, и за нѣмчину не стою. Пиво мнѣ запрещено, горячитъ кровь; до мельшнейзовъ, признаюсь, не охотникъ, а нарѣчія ихъ не понимаю. Что же касается до Россіи, душа моя, и Неаполь твой передъ нею насъ Разумѣется, будь я такой мастеръ, какъ нашъ Александръ Сергѣичъ, — дѣло иное; кисти есть тутъ начесть расходиться, въ какую сторону не повернись, вездѣ прелесть, натура! Ужъ чего я? а вотъ взгляни на на Изосима, и онъ, при всей своей простотѣ, глазъ отвести не можетъ отъ всякой художественности. Изосимъ, а Изосимъ!

ИЗОСИМЪ. Чего изволите?

ВЕРТУНИНЪ. Ну, скажи на милость, смыслишь ты что-нибудь въ томъ, на что глаза-то палишь?

ИЗОСИМЪ (*съ мутнымъ смѣхомъ*). Ничего-съ!

ВЕРТУНИНЪ. Что же ты тамъ видишь?

ИЗОСИМЪ. Корову написалъ.

ВЕРТУНИНЪ. И больше ничего?

ИЗОСИМЪ (*указывая пальцемъ на рисунокъ*). А вотъ тутъ толстой какой-то, словно вы, баринъ, и барышня точно живая-съ сидитъ

ВЕРТУНИНЪ. Что онъ тамъ вретъ такое, Александръ Сергѣевичъ?

АЛЕКСАНДРЪ (*какъ-бы опомнясь, рветъ рисунокъ и бросаетъ его на землю*). Вы со мной говорите?

ВЕРТУНИНЪ. Ахъ! братецъ, что же ты это изорвалъ?

КЕТТИ (*поднимая клочки бумагъ*). Ну можно ли, мой другъ. (*Смотритъ*). Ахъ, какъ мило, какъ мило! Посмотрите, дядюшка, что онъ сдѣлалъ, какал жалость.

АЛЕКСАНДРЪ (*вставал*). Брось эту дрянъ, Кетти; когда-нибудь въ въ другое время нарисую тебѣ этотъ самый видъ. Сегодня-же и небо какъ-то мрачно, и мутно море, и воздухъ удушливъ; онъ ложится свиномъ на грудь.

ВЕРТУНИНЪ. Помилуй, помилуй, когда-же было небо яснѣе? Мрачно не оно, а ты, Александръ Сергѣевичъ. И Богъ въдаетъ, что съ тобою дѣлается? Вотъ три дня, какъ живу съ вами, и ни разу еще не видалъ тебя веселымъ.

КЕТТИ. Онъ, дядюшка, давно такой несносный; все сердится, все ворчитъ на меня; право, я скоро разлюблю его.

ВЕРТУНИНЪ (*смѣясь*). И дѣло сдѣлаешь. Впрочемъ причину грусти его я угадываю: вѣроятно, мы съ Изосимомъ напомнили собою Александру Сергѣевичу общую нашу родню, давно прошлое время, его молодость. Слова нѣтъ, бывали и черные дни, а все-таки придутъ эти дни на память, такъ за сердце и заскребеть. Не такъ-ли, любезный?..

АЛЕКСАНДРЪ (*глубоко вздыхая*). Я постарался забыть и черные и ясные дни моей молодости. Прошлое принадлежит не намъ, а на чужое добро покушаться не должно.

ВЕРТУНИНЪ. Хорошо чужое добро! Нѣтъ, братъ, ужъ въ этомъ извини меня; не только юность, а напомни кто-нибудь на чужой сторонѣ родныя мѣста, — съ ними и году нѣтъ, какъ разстался, — такъ вотъ и расплакался-бы кажется. Изосимъ нанримѣръ; вѣдь таскать его за собою куда тягостно; за ветчину одну сколько пришлось заплатить: онъ убиваетъ ее за разъ порціи по десяти; и того три раза готовъ былъ отослать назадъ съ лишнимъ багажемъ; нѣтъ, духу не хватило, — ради воспоминанія! Сгрустнется мнѣ, заставлю спѣть что-нибудь; ну разумѣется, какое тамъ пѣніе, заоретъ по своему; въ Бирюковѣ не слушалъ бы его, а здѣсь...

КЕТТИ. Какъ дядюшка, онъ поетъ у васъ русскія пѣсни?

ВЕРТУНИНЪ. Какъ-же, душа моя, поетъ настоящія русскія, родныя.

КЕТТИ. Заставьте его спѣть что-нибудь, дядюшка.

ВЕРТУНИНЪ. По мнѣ пожалуй, коли у тебя есть охота слушать.

КЕТТИ. Ужасно хочется.

ВЕРТУНИНЪ. Только смотри, чуръ не раскаяваться; вѣдь зачнетъ, не вдругъ уймешь.

КЕТТИ. Ахъ, ничего! Я ужасно люблю пѣніе настоящее русское. Пожалуйста, добрый, милый дядюшка, заставьте его пѣть.

ВЕРТУНИНЪ. Ну, нечего дѣлать, быть по твоему. Изосимъ, а Изосимъ, слышишь, что барышня говорить? Хочетъ послушать, какъ ты поешь.

ИЗОСИМЪ (*охарашиваясь*). Какую жъ это, барышня, вамъ пѣсенку-то хватить, цыганскую что-ли?

КЕТТИ. А ты поешь и по цыгански? Вотъ чудесно. Вы слышите дядюшка, онъ и по цыгански знаетъ, вашъ Изосимъ.

ВЕРТУНИНЪ. Вѣрь ему, дружокъ, пожалуй и отъ итальянскаго не откажется; онъ у меня на все руки.

ИЗОСИМЪ. Въ Москвѣ-то, батюшка, Афанасій Гавриловичъ, какъ были ономнись, такъ на Живодеркѣ-то все цыгане живутъ: вечеромъ пойдешь бывало съ жуликомъ-то, съ Ехстафеемъ, изволите знать...

КЕТТИ. Что такое жуликъ, дядюшка?

ВЕРТУНИНЪ. Не слушай его, милая; онъ самъ не знаетъ, что городить.

ИЗОСИМЪ. Нѣтъ, батюшка Афанасій Гавриловичъ, ей-Богу истинну доказываю вамъ; какъ стемнѣетъ, такъ вотъ и повывсышатъ цыгане, словно клопы, и пойдутъ пѣни и пляски; вѣстимо слышишь и забираешь на память.

ВЕРТУНИНЪ. А забралъ панамать и ладно; прошой же, да смотри не во всю гортань, а не то, чего добраго, народъ перепугаешь.

ИЗОСИМЪ. Орать не станемъ, зачѣмъ орать! Унылую что ли спѣть, аль плясовую?

КЕТТИ. Нѣтъ, прежде унылую.

ИЗОСИМЪ. Извольте, барышня, съ нашимъ превеликимъ удовольствіемъ, вотъ какую отхватываемъ-съ, низовую-съ. (*Становится въ позицію и поетъ русскую пѣсню*).

ВЕРТУНИНЪ. Ну, изрядно; ей ей, не ожидалъ, спасибо тебѣ; только ужъ больно уныла твоя пѣсенка, смотри, и барышня сгрустнулось.

КЕТТИ. Нѣтъ, дядюшка, я думала... я смотрѣла.

ВЕРТУНИНЪ. Небожь на Александра Сергѣевича! Да душевнѣе, пехоршъ онъ что-то, и насъ не слышитъ; однако хвати-ка плясовую, Изосимъ, авось и его разшевелитъ. Валяй, валяй.

ИЗОСИМЪ. Камаринскую, баринъ, что-ли?

ВЕРТУНИНЪ. Валяй камаринскую, ну, ну!

Изосимъ беретъ подъ бока и начинаетъ пѣть съ акомпаниментомъ оркестра; потомъ оркестръ переходитъ въ вариацин Глинки, Изосимъ пускается плясать, а Вертуниинъ, сидя на скамьѣ, выдѣлываетъ всѣмъ тѣломъ разныя движенія. Кетти хохочетъ.

ВЕРТУНИНЪ (махая руками) Будеть, будетъ! мочушки моей нѣтъ! не выдержу! экая пропасть, такъ вотъ и подмываетъ въ присядку; ну не могу слушать хладнокровно, и не будь совѣстно...

КЕТТИ (хохочетъ). Да вы, дядюшка, преуморительный. (*Изосимъ, шатаясь, уходитъ въ домъ*).

ВЕРТУНИНЪ. То-ли еще было съ молоду-то; помнишь, братъ Александръ Сергѣевичъ, бывало съ батюшкою-то съ твоимъ... Да что же ты это въ-самомъ-дѣлѣ такой скучный; подойди къ намъ, видишь веселье какое.

АЛЕКСАНДРЪ. Давно не веселюсь.

ВЕРТУНИНЪ. Тѣмъ хуже, тѣмъ хуже, любезный: въ жпзни и безъ того много причинъ найдется хандрить.

КЕТТИ (вполголоса) Погодите, дядюшка, я его тотчасъ развеселю... (*Становится въ позу и съ жестами начинаетъ пѣть русскій романсъ, послѣ котораго танцуетъ. Вертуниинъ съ восхищеніемъ слѣдуетъ за всѣми ея движеніями, а Александръ съ трудомъ скрываетъ слезы. Окончивъ танецъ и пѣніе, Кетти весело бросается къ Александру, но тотъ ее слегка отталкиваетъ*).

КЕТТИ (съ испугомъ). Что это значить, мой другъ? Вы больше не позволяете мнѣ ласкать васъ.

АЛЕКСАНДРЪ (глухимъ голосомъ). Черезъ часъ мы разстаемся, а послѣ этой минуты, Кетти, я... (*Отворачивается, чтобы скрыть слезы*).

КЕТТИ. Но развѣ вы не догоните насъ въ Ливорно, развѣ не вы хотѣли отправить меня впередъ съ дядюшкой, и пробытъ еще два дня здѣсь.

АЛЕКСАНДРЪ. Конечно, конечно, Кетти, послѣ завтра мы снова увидимся, но не здѣсь, не въ Неаполѣ; а мнѣ, видишь ли, жаль его. (*Закрываетъ лицо руками*).

КЕТТИ (съ недоульниемъ). Дядюшка, посмотрите онъ плачетъ; отъ чего бы это?

ВЕРТУНИНЪ. Попятное дѣло, мой другъ; привычка къ мѣсту, къ краю, въ которомъ провелъ такъ много лѣтъ; но все это пройдетъ, вѣрь мнѣ; кто же не тосковалъ и не плакалъ! Если другу твоему

хочется, чтобы мы дождалсь его здѣсь, я первый согласенъ остаться съ удовольствіемъ; ты хочешь этого, Александръ Сергѣевичъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, и малодушіе мое не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія; все вздоръ; утѣжайте скорѣе, мнѣ будетъ легче, я привыкну къ одиночеству; къ тому же все пройдетъ, какъ говорите вы, Афанасій Гавриловичъ, все пройдетъ...

КЕТТИ. А знаете ли, вы, дядюшка, что мнѣ пришло въ голову?

ВЕРТУНИНЪ. Что же такое, моя милая?

КЕТТИ. Вы меня хотите обмануть!

ВЕРТУНИНЪ. Я... я... тебя обмануть?

КЕТТИ. Вы, или другой кто, этого я не знаю; но если это такъ?

ВЕРТУНИНЪ. Чѣмъ же, скажи, пожалуй, Катя? Отчего это пришло тебѣ въ голову?

АЛЕКСАНДРЪ. Кетти! ты говоришь вздоръ, мой ангелъ. Обманетъ дядя, который впрочемъ и не имѣетъ никакой надобности приобѣгать къ такимъ средствамъ?.. Не обязанъ ли онъ сдѣлать тебя счастливою?

ВЕРТУНИНЪ. Я поклялся въ этомъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Ты слышишь, Кетти, и Богъ поможетъ ему, твоему будущему покровителю, выполнить клятву, и наградить тебя тѣмъ счастьемъ, котораго ты такъ достойна.

КЕТТИ (*съ безпокойствомъ*). Но я и безъ того была счастлива съ вами, мой другъ.

ВЕРТУНИНЪ. Кто же тебя разлучаетъ съ нимъ, дружочикъ мой; напротивъ, торжественно повторяю, что я и его люблю не меньше тебя, а зло, которое сдѣлалъ ему нѣкогда...

АЛЕКСАНДРЪ (*перебивая*). Оставимъ это, Афанасій Гавриловичъ; дневольное зло не должно оставаться на совѣсти. Довѣривъ вамъ все свое состояніе, отецъ мой и ея родители (*показывая на Кетти*) надѣялись, въ свою очередь, приобрѣсти тѣ выгоды, которыхъ вы ожидали отъ шаткаго предпріятія вашего. Предпріятіе не удалось, вы потеряли много, они все, и въ первое время нищеты, признаюсь, я первый обвинилъ васъ! Но фортуна улыбнулась вамъ снова и возвратила утраченныя богатства; прибылью предложили вы подѣлиться съ жертвами первой неудачи; поступокъ этотъ оправдываетъ все прошлое, и не обязанъ ли я, какъ честный человѣкъ, возвратитъ вамъ все мое уваженіе. Я люблю Кетти, это правда, горжусь правами моими надъ нею, но все будущее счастье ея въ рукахъ вашихъ, и я, я уступаю вамъ Кетти.

КЕТТИ (*запальчиво*). А я не хочу, и ничего не уступаю.

АЛЕКСАНДРЪ. Простите ребенку, Афанасій Гавриловичъ; а ты Кетти, помни, что я могу еще приказывать, и потому приказываю тебѣ идти и собираться въ дорогу. (*Смотря на море*). Пароходъ дымится, на немъ суетится народъ, ты видишь? Такъ точно; поднимаютъ якорь, еще нѣсколько минутъ, и онъ тронется, вашъ пароходъ, поди же, поспѣши, дитя мое; тетка ждетъ тебя тамъ въ домѣ; она поможетъ.

КЕТТИ. Вы все пренесносные сегодня.

АЛЕКСАНДРЪ. Или, или, мой другъ.

КЕТТИ. Какъ это все скучно право. (*Медленно уходитъ въ домъ*).

АЛЕКСАНДРЪ. Не смотрите на меня такими глазами, почтеннѣйшій Афанасій Гавриловичъ, и не обвиняйте въ излишней чувствительности, которая, самъ вижу, такъ не къ лицу въ мой года.

ВЕРТУНИНЪ. Я совсѣмъ не обвиняю тебя, милый Александръ Сергѣевичъ, а дивлюсь одному: почему бы кажется не ѣхать тебѣ съ нами? Или не бѣется ретивое, при мысли, что ожидаютъ насъ на Русь и родныя поля, и родныя могилы!.. Неужели не душить тебя тоска по отчизнѣ?

АЛЕКСАНДРЪ. Зачѣмъ этотъ вопросъ, Афанасій Гавриловичъ, и на что касаться тѣхъ сокрытыхъ струнъ сердца, которыя не издадутъ ни одного радостнаго, ни одного веселаго звука.

ВЕРТУНИНЪ. О чемъ же грустить тебѣ?.

АЛЕКСАНДРЪ. Миѣ... миѣ... о чемъ грустить? (*Горько смѣется*). О чемъ? Разумѣется нѣ—о—чемъ? Небо ясно, солнце блещетъ, море спокойно, воздухъ полонъ аромата; какъ легко дышать имъ, этиаъ благотворнымъ воздухомъ... Вотъ видите ли, Афанасій Гавриловичъ, я счастливъ, такъ счастливъ въ эту минуту, что попадись миѣ соперникъ, заклятой врагъ мой, я протянулъ бы ему руку и... Почетникъ идетъ сюда, перестанемъ философствовать; взгляните на его лицо, какимъ благополучіемъ блистаетъ оно!

ВЕРТУНИНЪ. Ну, братъ, уменъ тотъ, кто пойметъ вашу братью-артистовъ! Богъ васъ знаетъ, что вы видите такого необыкновеннаго и въ вашемъ заливѣ, и въ вашемъ воздухѣ. Въ прошломъ году возилъ я покойницу жену въ Гельсингфорсъ. Въ ясную погоду, море тамъ; ни дать, ни взять здѣшнее; деревья чуть ли не позеленѣе будутъ! Нѣтъ, правда, огненьшущей, да по совѣсти, прахъ ли въ ней? Зато утокъ братаецъ дикихъ, видимо не видимо, есть и гагары, и кряквы, и чирки, и остроносая. Про Почетина же скажу тебѣ откровенно—славный малый, а главное богатъ, очень богатъ; посуди самъ: однихъ овецъ

тысячь десять будеть, быковъ сотенъ шесть гоняеть въ Одессу; всего ему 27 лѣтъ, усадьба отличная!.. Изъ ананасовъ квась дѣлаеть. Влюбился же онъ въ Кетти, счастливъ будеть; а она-то? Въдъ подлинно за горе родителей и послала судьба на долю дочки такое благополучіе! Теперь не скажу ей ни слова, дѣвочка своенравная, чего добраго заупрямится; а пусть поживуть вмѣстѣ, да попривыкнутъ другъ къ другу; въ октябрѣ, ко дню моего рожденія и за свадьбуку. Ахъ, любезный, тяжко будеть мнѣ плясать въ томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно схорошилъ своихъ, да что-жь будешь дѣлать? Въдъ судьба не лучина, не переломись ее. (*Подходитъ Почетинъ въ дорожноиъ костюмѣ*). Вадимъ Вадимовичъ, а вы, какъ я вижу, всеѣмъ готовы?

ПОЧЕТИНЪ. Пора, Афанасій Гавриловичъ; по первому звонку нужно будеть ѣхать къ пристани; боюсь, не опоздаемъ ли мы.

ВЕРТУНИНЪ. Зачѣмъ опаздывать! Отсюда слышенъ колоколь, и пѣшкомъ дойти успеѣмъ. А мы съ Александромъ Сергѣевичемъ разсуждали...

ПОЧЕТИНЪ (*насмѣливо*). Александръ Сергѣевичъ, я думаю, очень доволенъ будеть, увидѣвъ насъ всеѣхъ въ заливѣ. Какъ должны мы были все это время паловдять ему! Артистическая душа его страдаетъ за насъ, помышляющихъ единственно о земной суетѣ.

АЛЕКСАНДРЪ. Напротивъ. я начинаю завидовать вамъ, Вадимъ Вадимовичъ.

ПОЧЕТИНЪ. Вы шутите?

АЛЕКСАНДРЪ. Право нѣтъ! и убѣждаюсь, что золото чуть ли не выше всеѣхъ нравственныхъ преимуществъ человѣчества.

ПОЧЕТИНЪ. Вопросъ важный.

АЛЕКСАНДРЪ. П рѣшить его не трудно. Отбросивъ, разумеется, въ сторону бездѣлицы, подобныя уму, таланту, гениальности и самой чести, чего нельзя купить золотомъ!

ПОЧЕТИНЪ. Не купишь главнаго, — сердца женщины.

АЛЕКСАНДРЪ (*жестко*). То-есть любви ея, да! Но онъ достигаешь своей цѣли, добившись согласія на бракъ, какими бы путями-то ни было; не все ли равно?..

ПОЧЕТИНЪ. Смотри по человѣку, Александръ Сергѣевичъ. Иной не женится, не добившись любви! Дѣло невозможное! Но зачѣмъ касаться чувствъ въ настоящую минуту? Говоря о прочихъ наслажденіяхъ, какъ не согласиться, что, напримѣръ, вашъ талантъ стоитъ всякаго

богатства. Вы мнѣ только что завидовали, а чего бы не далъ я за возможность, не только удивлять мѣръ своимъ дарованіемъ, а удовлетворять и собственнымъ страстямъ, напримѣръ: ненавистямъ?.. Какое оружіе мести страшнѣе врагамъ кисти вашей, какой книжаль разить лучше и какой ядъ злѣе красокъ даровитаго художника? Я вспоминаю тотъ новый генге живописи, о которомъ недавно еще вы говорили мнѣ, Александръ Сергѣевичъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*всторону*). И не имѣть права разтерзать его, ното-му—что, можетъ—быть, онъ едѣлаеть Кетти счастливою! (*Громко*). Минута для напоминанія этого выбора удачно, и въ знакъ моей признательности, я посвящу вамъ, Вадимъ Вадимовичъ, мои первые опыты въ этомъ родѣ; образцы останутся тѣ же, сюжетъ же для картинъ постараюсь выбрать въ будущемъ, авось угадаю! Кстати, вы, кажется, намѣрены жениться.

ПОЧЕТИНЪ. Можетъ—быть!

АЛЕКСАНДРЪ. И по любви, конечно?

ПОЧЕТИНЪ. Ну, на это отвѣчать еще не могу, Александръ Сергѣевичъ. Въ мои года...

ВЕРТУНИНЪ. Вотъ забавно! Слышите, въ его года, то-есть въ двадцать семь лѣтъ, ай да старикъ!

ПОЧЕТИНЪ. Конечно, до старости далеко, однако еще лѣтъ пять шесть и...

ВЕРТУНИНЪ. Вамъ будетъ тридцать три, наконецъ тридцать четыре.. велика штука.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ бѣшенствомъ*). Успокойтесь, и вѣрьте мнѣ, Вадимъ Вадимовичъ, въ тридцать шесть лѣтъ питають иногда такое святое чувство, такую привязанность, какую уважалъ бы всякій благородный человѣкъ.

ПОЧЕТИНЪ (*насмѣшливо*). Вы говорите про вашъ возрастъ? О вѣрьте, Александръ Сергѣевичъ, что въ такомъ случаѣ первый я, конечно, спорить не стану и даже убѣжденъ. (*Слышеть отдаленный звонъ колокола*).

ВЕРТУНИНЪ. Ба! первый звонокъ! Пора собираться. Но гдѣ же Катя?

АЛЕКСАНДРЪ (*всторону*). Еще одну только минуту!.. Подкрѣпи меня небо и не лишь меня ни силъ, ни разсудка!

ПОЧЕТИНЪ. Вотъ Анна Сергѣевна. (*Идетъ къ ней навстрѣчу*).

ВЕРТУНИНЪ (*къ Аннѣ*). Первый разъ прозвонилъ, готова ли племянница?

АННА. Кетти прощается съ кролпкомъ.

КЕТТИ (*съ кроликомъ въ рукахъ*). Вотъ ужъ не думаю прощаться, ma tante, а просто беру его съ собой. (*къ Александру*). Вы позволете мнѣ, мой другъ, и довѣряете до прїѣзда вашего въ Ливорно?

АЛЕКСАНДРЪ. Но онъ твоя собственность, Кетти.

КЕТТИ. А вмѣстѣ со мной все-таки и ваша.

АЛЕКСАНДРЪ. По сердцу и по душѣ конечно.

КЕТТИ. И по душѣ, и по сердцу, и по всему! А все-таки не ѣхать съ нами и не пускать танту Анну очень душно, очень душно.

АННА. Ненадолго разлучаемся, Кетти.

КЕТТИ. Еще бы! Попробуйте не прїѣхать послѣзавтра!..

ВЕРТУНИНЪ (*смѣясь*). Что же ты сдѣлаешь?

КЕТТИ. Я, дядюшка? А вотъ что сдѣлаю: если послѣзавтра мой другъ и танга Анна не явятся съ послѣднимъ пароходомъ; на другое утро, я сажусь близъ пристани, и жду еще сутки!.. а тамъ.. да нѣтъ, не хочу говорить впередъ.

ВЕРТУНИНЪ (*весело*). Вотъ ужъ подлинно бѣдовая голова. И въ кого она родилась, въ мать — нѣтъ, въ отца — и' подавно нѣтъ; ужъ не итальянскій ли воздухъ. (*Слышенъ второй звонъ колокола*). Звонять второй разъ. Изосямъ, гдѣ Изосимъ?

ИЗОСИМЪ (*показывается нагруженный множествомъ коробокъ и ящичковъ*). Тутъ, батюшка баринъ.

ВЕРТУНИНЪ. Ну, значить все на лицо! (*Все садятся, Вертунинъ помыщается рядомъ съ Александромъ Сергѣевичемъ, котораго беретъ за руку и говоритъ вполголоса*). Ты же, Александръ, меня старика обмануть не старайся. Молчалъ я все это время, потому-что на излишнюю откровенность набиваться не должно, а скрываешь ты что-то, не хорошо.

АЛЕКСАНДРЪ (*громко, въ страшномъ волненіи*). Чтобы вамъ не опоздать, Афанасій Гавриловичъ, до пристани не близко, а ждать не стануть.

ВЕРТУНИНЪ (*тихо*). Вотъ видишь-ли, какъ платитъ ваша братья нынѣшніе, за дружеское участіе.

АЛЕКСАНДРЪ. Участіе раздражаетъ меня.

ВЕРТУНИНЪ. И это напрасно.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Но что же наконецъ хотите вы знать, Афанасій Гавриловичъ; или надѣетесь помочь въ скорби, которой не скрываю.

ВЕРТУНИНЪ. Кто знаетъ, братецъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ презрительной улыбкой*). Право?

ВЕРТУНИНЪ. Послушай, любезный другъ, не надѣлала меня судьба большимъ умомъ, и люди не сдѣлали меня ученымъ, правда сущая... врожденнаго же умишка не занимай мнѣ стать, и убѣжденъ я, что какъ ты ни вертись, а явиному нежеланію твоему ѣхать съ нами и возвратиться на родину причина есть важная!.. Разумѣется, причину эту не разгадаешь однимъ здравымъ смысломъ. Ну что можетъ быть?.. Должишки остались и выросли въ твое отсутствіе,—бѣда небольшая—должишки заплата есть чѣмъ, скажи только слово! Любовишка завелась гдѣ-нибудь близъ огнедышущей, и тяжело тебѣ съ нею разстаться—извини меня, Александръ Сергѣичъ, а причина эта куда недѣльна! Пора-бы остепениться, да найти по сердцу подругу, не итальянкѣ чета какой-нибудь, да женившись, поселиться съ нами и жить какъ жили отцы и дѣды наши; примѣрно сказать, чего бы лучше, какъ найти подобную Кетти,

АЛЕКСАНДРЪ (*вскакиваетъ*). Довольно, пора, прощайте! Кетти, подойди ко мнѣ. (*Кетти подходитъ; Александръ нетвердымъ голосомъ*). Любишь-ли ты меня, Кетти, вѣдь любишь, да?

КЕТТИ. Мой другъ, какъ вы смѣшны съ вашими вопросами.

АЛЕКСАНДРЪ. Ты права! и глушь я и смѣшонъ; но вотъ, что хотѣлъ я сказать тебѣ Кетти! Если послезавтра ты у пристани не дождешься ни меня, ни Анны, поѣзжай съ Богомъ далѣе, мы догонимъ васъ гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ—слышишь.

КЕТТИ. Слышу, мой другъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Теперь прощай и Богъ съ тобой! (*Онъ судорожно сжимаетъ голову Кетти и целуетъ ее, потомъ молча жметъ руку Афанасью Гавриловичу и бросается на скамью. Почетивъ съ улыбкой на лицѣ слѣдуетъ за Анной и уходящей Кетти*).

ВЕРТУНИНЪ (*останавливался*). До свиданія, Александръ Сергѣевичъ.

АЛЕКСАНДРЪ. До свиданія. . тѣмъ! (*Показывая на небо. После непродолжительнаго молчанія вдругъ вскакиваетъ*). Ушла! ушла! и это не сонъ! и я, безумный, добровольно отказался отъ нея!.. Я глупецъ! самъ уступилъ Кетти другому, и этотъ другой когда-нибудь, смѣясь надо мною, упрекнетъ ее же въ привязанности ко мнѣ! Но я сумасшедшій. . нѣтъ, прочь нелѣпое, сумасбродное самолюбіе; прочь, ты призракъ чести; кто оцѣнитъ тебя! кто воздастъ за неслышанную жертву, которую готовъ я принести на алтарь любимой добротѣ!.. Я догоню ихъ! и Кетти, ты останешься здѣсь, при мнѣ на-

всегда. (*Онъ хочетъ бѣжать но въ это время слышится третій звонокъ колокола и свистъ парохода. Александръ падаетъ на колѣни*).

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Декорация первого акта. Картины частью сняты со стѣнъ, статуи въ безпорядкѣ разбросаны по всей мастерской, у окна арфа. Ночь. Въ растворенное окно видна луна. Анна стоитъ у лѣвыхъ дверей.— врачъ сидитъ у столка съ противоположной стороны; передъ нимъ теплится ночникъ.

АННА (*тихо*) Онъ уснулъ; не нужно-ли разбудить его, докторъ?

ВРАЧЪ О, нѣтъ! тѣмъ лучше, пусть спитъ; лекарство мое я отложу до другаго времени; надѣюсь, природа возьметъ верхъ надъ болѣзнію, которую не излечаетъ наше искусство.

АННА (*отходя отъ двери*). Последній пароксизмъ былъ ужасенъ.

ВРАЧЪ. Не оставляйте его одного ни на минуту; въ подобномъ случаѣ страждущіе нерѣдко прибѣгаютъ къ самоубійству.

АННА. Отъ одной этой мысли, докторъ, мнѣ дѣлается холодно! Но что же можетъ слабая женщина въ подобномъ случаѣ?

ВРАЧЪ. Положеніе затруднительно и безсильна наука.

АННА. Что же дѣлать?

ВРАЧЪ. Терпѣть и ждать.

АННА. Долго-ли еще? Недѣля прошла, и какое утѣшеніе принесли намъ эти семь дней; не такъ же ли онъ врачень, какъ съ первой минуты; не точно ли также скрытенъ, и не тою ли же убиственною улыбкою отвѣчаетъ Александръ на все мои вопросы, на все мои убѣжденія.

ВРАЧЪ. Я рѣдко встрѣчалъ въ людяхъ подобную страсть, и страсть къ ребенку въ человѣкѣ разсудительномъ, умномъ...

АННА. И кто бы могъ предполагать, чтобы Кетти наша?..

ВРАЧЪ. Сударыня, глубину сердца измѣрить невозможно; а вашъ братецъ любить, кажется, въ первый разъ.

АННА О докторъ! въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; всю моло-

дость свою провелъ онъ далеко отъ людей, далеко отъ всѣхъ обольщеній.

ВРАЧЪ. Тѣмъ хуже. Всѣ страсти развились въ немъ внезапно, и въ этой борьбѣ, жертвою можетъ сдѣлаться самъ человѣкъ. При томъ, больной скрываетъ страданія, и ни одного откровеннаго слова я до настоящей минуты не слышалъ отъ него.

АННА. Въ этомъ отношеніи я несчастіе васъ, докторъ; при одномъ имени Кетти лицо его покрывается смертною блѣдностію; самъ же онъ не произноситъ этого имени, и будто не вспоминаетъ о ней.

ВРАЧЪ. Но объясните мнѣ, чтѣ подало поводъ къ разлукѣ его съ молодою дѣвушкой? Я слышалъ, что она, въ свою очередь, была къ братцу вашему очень привязана.

АННА. Привязанность Кетти не походила на любовь, и чувство это не могло удовлетворить страсти къ ней Александра. Потомъ разность лѣтъ дѣлала бракъ этотъ невозможнымъ въ его собственныхъ глазахъ. До неожиданнаго пріѣзда богатаго родственника, котораго мы давно уже потеряли изъ виду, братъ считалъ себя совершенно счастливымъ, не помышляя о будущемъ; дни его текли спокойно среди занятій и семейныхъ удовольствій; въ невинныхъ ласкахъ Кетти находилъ онъ все свое блаженство; о другомъ благополучіи Александръ и не помышлялъ! Какъ вдругъ явился въ Неаполь, изъ нашихъ соотечественниковъ, богатый молодой человѣкъ, и Кетти ему понравилась. Посѣщая насъ почти ежедневно, онъ страстно влюбился въ нее, и ухаживаніемъ своимъ внушилъ брату первую, жестокую ревность.

ВРАЧЪ. Но понравился-ли влюбленный дѣвушка?

АННА. Ни мало.

ВРАЧЪ. Зачѣмъ же не удалили вы его отъ общества вашего, зачѣмъ не отказали отъ дому?

АННА. Отъ того, докторъ, что молодой человѣкъ этотъ былъ коротко знакомъ съ тѣмъ старымъ родственникомъ, который, потерявъ жену и сына, призналъ Кетти своею единственною наследницею, и пріѣхавъ въ Неаполь, изъявилъ Александру желаніе видѣть племянницу за влюбленнымъ въ нее молодымъ человѣкомъ; ему двадцать-семь лѣтъ, и въ будущемъ счастіи дѣвушки сомнѣваться, казалось, старику не возможнымъ. Вамъ извѣстно благородство Александра; препятствовать намѣреніямъ родственника выдать ее замужъ за богатаго человѣка и лишить тѣмъ Кетти будущаго счастія, разумѣется, онъ не захотѣлъ, и предпочелъ разлучиться съ нею!

ВРАЧЪ. Любопытно бы видѣть дѣвушку, которая внушила эту страсть такому человѣку, каковъ вашъ братъ.

АННА. Къ сожалѣнiю, любопытству вашему докторъ удовлетворить невозможно: въ эту минуту Кетти должна быть очень, очень далеко отсюда.

КЕТТИ (*вбѣгаетъ весело*). Не такъ далеко, какъ вы думаете, та tante!

АННА (*вздрыгнувъ*). Ахъ, ты, ты здѣсь, и одна?

ВРАЧЪ (*Анна*). Возможно ли, эта дѣвица!..

КЕТТИ. Та самая счастливица, которую вамъ такъ угодно было видѣть, докторъ. Но гдѣ же мой другъ? Пустите меня къ нему, если не хотите, чтобы я вскочила черезъ окно въ его комнату.

АННА. Постой, постой, и прежде всего растолкуй мнѣ, какими судьбами явилась ты здѣсь?

КЕТТИ. Очень просто, та tante! Въ Чивита-Веккии Почетинъ, этотъ приторный Почетинъ, вздумалъ опять говорить мнѣ о своихъ чувствахъ, и вообразите—сталъ предлагать свое сердце. А какъ сердце его не ананась, то я и пожаловалась дядюшкѣ, который, въ свою очередь, сталъ уговаривать меня, и такъ надоѣлъ, что я чуть-чуть не ушла отъ него пѣшкомъ. Прошелъ еще день и еще—а васъ нѣтъ, какъ нѣтъ; помня приказанiе моего друга, я поѣхала съ дядею и Почетинымъ въ Ливорно. Новое объявленiе, новыя приторности этого несноенаго господина. Какъ быть?.. Я подумала съ полчаса, и рѣшилась сдѣлать дядѣ вотъ какого рода предложенiе: или отпустить меня обратно въ Неаполь, или проводить до Неаполя, но разумѣется безъ Почетина; въ противномъ случаѣ я обѣщала надѣлать ужасовъ. А такъ какъ въ эту недѣлю старпѣгъ узналъ меня покороче, и догадался, что когда мнѣ противорѣчатъ, я способна броситься съ парохода за бортъ, или выскочить гдѣ-нибудь изъ вагона, то дѣлать ему было нечего; онъ согласился и привезъ меня обратно самъ.

ВРАЧЪ (*весело*). Вотъ и лекарство для бѣднаго больнаго нашего!

КЕТТИ. Кто же боленъ?

АННА. Тпше, тише, ради Бога, онъ можетъ услышать.

КЕТТИ (*съ нетерпѣнiемъ*). Но кто же? Богъ мой! кто? кто?

ВРАЧЪ. Тсъ! я слышу его шаги, удалитесь скорѣе; всякое сильное потрясенiе можетъ кончиться смертiю.

КЕТТИ (*всплеснувъ руками*). Боже! вы говорите про Александра?

ВРАЧЪ (*тихо*). Успокойтесь и спрячьтесь; я отвѣчаю вамъ за все!

АННА. Кетти, о если бы ты знала, какъ онъ любитъ тебя и какъ кетати ты возвратилась.

КЕТТИ (съ восторгомъ). Онъ! онъ любитъ меня!

АННА. Страстно, мой другъ, но уйдемъ! (*Беретъ ее за руку и уводитъ въ правую дверь*).

КЕТТИ (*прыгая*). Ma tante, я съ ума сойду отъ радости. Вы говорите, что онъ меня любитъ. Но вотъ и онъ, вотъ и онъ! (*Поспѣшно уходитъ. Левая дверь отворяется и входитъ медленно Александръ*).

ВРАЧЪ (*всторону*). Приготовимся къ рѣшительному средству сохранить и жизнь и разсудокъ. (*Громко*) Вы, кажется, уснули!

АЛЕКСАНДРЪ (*слабымъ голосомъ*). Не знаю! Умъ мой начинаетъ помрачаться, мысли путаются и слухъ измѣняется.

ВРАЧЪ. Какъ, вы перестаете слышать?

АЛЕКСАНДРЪ. Напротивъ, докторъ, мнѣ иногда слышится то, чего нѣтъ (*вздыхаетъ*) и быть не можетъ!

ВРАЧЪ (*всторону*). Онъ слышалъ голосъ дѣвушки. (*Громко*) Слухъ остался вамъ вѣренъ; мимо оконъ проходили сію минуту нѣсколько музыкантовъ, они пѣли!..

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, нѣтъ! не то, совсѣмъ не то!

ВРАЧЪ. Что же?

АЛЕКСАНДРЪ. Мнѣ показалось, будто за стѣною, но это припадокъ... нервы...

ВРАЧЪ. Они раздражены у васъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*садится въ кресло*). Можетъ-быть.

ВРАЧЪ. Впрочемъ, воображеніе нерѣдко обманываетъ насъ; въ самомъ здоровомъ состояніи представляются иногда не одному слуху, но и самому зрѣнію такія явленія, которыя въ старину причислялись къ области призраковъ; мнѣ даже случилось читать, что древніе мудрецы доходили до способа заставлятъ людей видѣть то, чего не было.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ грустною улыбкою*). Но представляли-ли мудрецы эти лица умершихъ друзей, обожаемыхъ женъ, дѣтей любимыхъ; и возвращала-ли наука ихъ страждущимъ хоть на мигъ ихъ утраченное счастье?

ВРАЧЪ. За мудрецовъ не ручаюсь вамъ; въ наше же время есть средство...

АЛЕКСАНДРЪ. Средство, говорите вы?

ВРАЧЪ. Да, довольно обыкновенное—опіумъ! При постоянно напряженномъ воображеніи постепенно усиленные приемы этой эссенціи придаютъ любимой мечтѣ видимыя формы, даютъ ей жизнь, не рѣдко самый голосъ, и тогда...

АЛЕКСАНДРЪ (*хватая руку врача*). И тогда несчастному страдальцу представляется, по-крайней-мѣрѣ, возможность умереть у ногъ любимаго призрака, умереть, задушивъ призракъ этотъ въ своихъ объятіяхъ, и... и... но, докторъ, невѣренъ способъ вашъ, и сонъ не всегда бываетъ отраденъ.

ВРАЧЪ. Хотите испытать?

АЛЕКСАНДРЪ. Къ чему?

ВРАЧЪ. Можетъ-быть вамъ будетъ легче?

АЛЕКСАНДРЪ. Не думаю.

ВРАЧЪ. Одинъ опытъ не сдѣлаетъ вреда, ручаюсь вамъ, а средство это со мною.

АЛЕКСАНДРЪ. Пожалуй испытаемъ, докторъ.

ВРАЧЪ (*всторону*). Кстати опиумъ со мною; дамъ ему одну каплю. (*Громко*). И такъ хотите принять сію минуточку!

АЛЕКСАНДРЪ (*махнувъ рукою*). Согласенъ!

(*Докторъ беретъ со стола рюмку, наполняетъ ее водою и капнувъ темнаго цвѣта каплю, подаетъ рюмку Александру*).

ВРАЧЪ. Старайтесь направить всѣ силы воображенія вашего на одно желаніе, на одну мысль!

АЛЕКСАНДРЪ. Ихъ у меня немного осталось; дайте только способъ забыть все!

ВРАЧЪ. Напротивъ того, ненужно; пользуйтесь чрезвычайнымъ свойствомъ опиума, и помощью его олицетворите хотя на нѣсколько минутъ вашъ любимыя грезы! Вызовите изъ могилъ друзей—они предстанутъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*хватая рюмку*). Давайте же скорѣе (*Пьетъ*). Да накажетъ васъ Богъ, докторъ, если вы смѣтаете надо мною.

ВРАЧЪ. Еще минута терпѣнія, и я оправдаюсь передъ вами! Но успокойтесь и не забудьте, что призраки разсѣются отъ малѣйшаго порыва, отъ малѣйшаго покушенія коснуться ихъ; я буду въ сосѣдней комнатѣ; въ случаѣ нужды позовите меня, и я явлюсь.

АЛЕКСАНДРЪ. Благодарю васъ, докторъ. (*Врачъ медленно уходитъ. Александръ одинъ въ креслахъ, бокомъ къ окну и горько улыбаясь*). Простодушный человекъ! Ты воображаешь, что я повѣрю твоему диковинному средству, ты думаешь, что несвязный бредъ отуманеннаго воображенія заставитъ меня забыть горе? (*Въ это время изъ лѣвыхъ дверей показывается Кетти въ бѣломъ платьѣ, тихо подходит къ окну и садится*). Направить всю силу воображенія на одну мысль, на одно желаніе, говоритъ, оцъ и желаніе это осуществится для глазъ! Нѣсколько капель ядовитой жидкости возвратятъ тебѣ утраченное счастье?

Испытаемъ! Голова моя свѣжа, вѣки глазъ не смыкаются еще свинцомъ летаргiи, я здраво мыслю, и солгалъ ты, ошибся врачъ: тоска души моей спльвѣ твоихъ капель. Недѣлю назадъ, въ этотъ часъ, при этой лунѣ звукъ ея арфы приковывалъ проходящихъ къ тѣмъ мѣстамъ моего сада, до которыхъ достигалъ этотъ звукъ; въ этотъ благословенный часъ она пѣла бывало, и я блаженствовалъ, и я...

(Кетти беретъ нѣсколько аккордовъ на арфѣ и начинаетъ пѣть. Александръ вздрагиваетъ, лицо его проясняется; онъ протягиваетъ руки впередъ и медленно опускается на колѣни; Кетти умолкаетъ, и улыбаясь смотритъ на него).

КЕТТИ *(всторону)* И не смѣть броситься къ нему на шею, не смѣть сказать ему, что я не привидѣнiе, — вотъ ужъ это скучно!

АЛЕКСАНДРЪ *(не перемѣняя положенiя)*. Кетти! Кетти!

КЕТТИ *(отходя отъ окна)*. Мой другъ!

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, нѣтъ, не подходи, не трогайся! Онъ сказалъ, что малѣйшiй порывъ прогонитъ призракъ! Я видишь, недвижимъ, не бойся меня!

КЕТТИ. Напротивъ, я боюсь доктора, мой другъ!

АЛЕКСАНДРЪ. Еще одинъ только звукъ твоего голоса, одинъ только, Кетти, и завтра въ этотъ часъ я достану самаго сильного смертельнаго яда, и въ ту минуту, какъ ты захочешь удалиться...

КЕТТИ. Яда! Яда!... вы хотите?...

(Въ дверяхъ показываются Вертуницъ, врачъ и Анна).

АЛЕКСАНДРЪ. Я хочу не просыпаться, Кетти, я хочу не переставать видѣть, слышать тебя! потому-что, видишь-ли, Кетти, кто любитъ, какъ я люблю и кто страдаетъ, какъ я страдалъ въ твое отсутствiе!... тому...

ВЕРТУНИЦЪ. Тому гораздо, братецъ, благоразумнѣе не скрывать своихъ чувствъ и не заставляя меня на старости лѣтъ прогуливаться по морю, котораго я терпѣть не могу; шутка-ли промыкаться цѣлую недѣлю и бѣгать за этой сумасшедшей, когда бы всего проще пригласить меня въ посаженные, да и подъ вѣнецъ.

АЛЕКСАНДРЪ *(вскакиваетъ на ноги и схватывая врача за руку)*. Докторъ! докторъ капли ваши измѣняютъ своимъ дѣйствiямъ, мысли мои направлены были на одно желанiе — видѣть Кетти.

ВЕРТУНИЦЪ. Стало жениться на ней не желаешь?

КЕТТИ. Другъ мой, все это шутка, васъ обманываютъ!

АЛЕКСАНДРЪ. Опіумъ, опіумъ, адское средство! Не касайся до меня, Кетти, ты исчезнешь.

ВЕРТУНИНЪ (*Кетти*). Ущипни-ка его лучше, или постой, обними его, Кетти, да смотри покрѣпче—авось опомнится.

(*Кетти бросается на шею къ Александру, который вскрикиваетъ, обнимаетъ ее въ свою очередь и протягиваетъ руку свою Вертушину*).

ВЕРТУНИНЪ. Давно-бы такъ, любезный!

АЛЕКСАНДРЪ. Увѣрьте меня, что все это не сонъ; я вижу васъ, я слышу васъ, но всего этого для меня недостаточно!...

№ 10439.

18251